

2. Буйда Ю.В. Вор, шпион и убийца: роман. – М., 2013.
3. Буйда Ю. Синяя кровь: роман ...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/3/bu2.html>.
4. Буйда Ю. Яд и мед: повесть ...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/4/b4.html>.
5. Жить-то осталось – всего ничего. Беседа М. Лаврентьева с Ю. Буйдой...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litrossia.ru/2012/15/06968.html>.
6. Мельников Е. Юрий Буйда, «Вор, шпион и убийца»...» [Электронный ресурс]. – Эксмо, 2013 – 320 с. – Тираж – 5 000 экз. – Режим доступа: <http://newslab.ru/article/535337>.
7. Морозова Е. Стынет в жилах синяя кровь...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/10/20/bujda-poln.html>.
8. Наринская А. Естественный застой...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2283226>.
9. Рахаева Ю. Замочные скважины. Юрий Буйда, финалист «Большой книги», – о том, чем работа писателя похожа на молитвы отцов-пустынников...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/11/06/bujda.html>.
10. Юрий Буйда: Наша речь, как расплавленная магма...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vm.ru/news/2015/02/05/yurij-bujda-nasha-rech-kak-rasplavennaya-magma-277888.html>.

«МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА» КАК КНИГОВЕДЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ

© Волков В.В.*, Волкова Н.В.♦

Тверской государственный университет, г. Тверь

В контексте отечественного книговедения и русской лингвокультурологии рассматриваются эстетический и идеологический смыслы словосочетания *массовая литература*, фиксирующего ядерное содержание одноименного концепта; популярность массовой литературы трактуется как результат установки на хэппи-энд, что ставит ее в один ряд с феноменом социалистического реализма советской эпохи.

Ключевые слова: книговедение, лингвокультурология, концепт, массовая литература, социалистический реализм.

* Профессор кафедры Русского языка, доктор филологических наук, профессор.

♦ Доцент кафедры Филологических основ издательского дела и литературного творчества, кандидат филологических наук.

Массовая литература, как и родовое по отношению к ней явление массовой культуры, и как соотносительное с ней видовое «массовое искусство», следует рассматривать в различных аспектах: как минимум, литературоведческом, книговедческом, лингвистическом и эстетическом (философском). «Суммирующий» методологический инструмент, позволяющий интегрировать различные подходы на основе исследования основополагающих языковых значений и смыслов самого термина *массовая литература*, – *лингвокультурный концепт* в уже устоявшемся представлении о нем как об интегральном семантическом феномене индивидуального и коллективного сознания и бессознательного.

Наиболее разработанным на данный момент является литературоведческий аспект, в рамках которого *массовая литература* в общем случае трактуется как «многозначный термин, имеющий несколько синонимов: популярная, тривиальная, пара-, бульварная литература; традиционно этим термином обозначают: ценностный “низ” литературной иерархии – произведения, относимые к маргинальной сфере общепризнанной литературы, отвергаемые как китч, псевдолитература» [12, с. 514]. Как видим, массовая литература в рамках данного подхода находит определение «через отрицание», несет явный оттенок пейоративности, как оппозит «общепризнанной» литературы, связанной с ценностным «верхом» культуры. Собственные атрибуты массовой литературы при таком подходе не выявляются. Если признавать за массовой литературой некое «право на самодостаточность» (уже хотя бы потому, что её читают, ею увлекаются миллионы, она является безусловным лидером продаж), то получаем «жанровую парадигму», складывающуюся прежде всего из детектива, фантастики, фэнтези и мелодрамы [16, с. 5], и следующий список основных органично присущих ей свойств: популярность, тривиальность, структурно-смысловая жесткость [8, с. 41-63]. Однако все эти характеристики – «внутри самой литературы», в силу чего не объясняют ни причин ее популярности, ни необходимости некоей «тривиальности», или, в более мягкой, эвфемистической характеристике, «структурно-смысловой жесткости». Следовательно, необходим взгляд на феномен массовой литературы извне, как на органичное явление современной (пост)информационной эпохи в ряду других явлений того же рода.

С общей культурологической точки зрения, *массовая литература* – рефлекс *глобализации* как «постепенного стирания экономических, политических, информационных, культурных и т.п. границ между государствами, народами» [15, с. 248], нивелирования различий. Неотъемлемая черта глобализации – унификация как «усреднение» на основе снятия всего резко национально-специфического, и массовая литература лишь одно из проявлений этого всеобщего «усреднения» – в таких специфических для сферы искусства явлениях, как тематика, идейное содержание, образный строй, вплоть до типизированных (схематизированных, сведенных до одной-единственной соци-

ально-ролевой позиции) персонажей с минимумом характерологически своеобразных черт, с крайне обедненным языком, когда по репликам отдельных персонажей их практически невозможно отличить ни друг от друга, ни от автора или рассказчика. Пользуясь метафорой М. Мак-Люэна [11] как «пророка электронной эры», можно сказать, что «галактика Гутенберга» в условиях глобального информационного пространства превращается в «мировую деревню», где все занимаются одними и теми же делами, говорят на одном и том же языке, следуют одной и той же системе ценностей.

Но так ли уж тривиальна система ценностей, прокламируемая массовой литературой? И настолько ли примитивны духовные потребности читателей массовой литературы, как принято считать в академическом литературоведении?

Выборка по запросу «массовая литература» в Национальном корпусе русского языка [13] дает озадачивающий результат: наряду с огульным отрицанием, есть в отечественной публицистике и стремление понять, найти в «глазе народа», в большинстве вотирующем «за» массовую литературу, разумные основания и здравый смысл. Характерные примеры: «Массовая литература конца XIX века пронизана смесью страха перед будущим и веры в его радужность» (Борис Дубин. Между канонами и актуальностью, скандалом и модой: литература и издательское дело в России в изменившемся социальном пространстве (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.07.14); «Все-таки массовая литература – это область счастья, уверенности в завтрашнем дне», «Подлинная прелесть хеппи-энда не в соединении любящих и не в вознаграждении добродетели, но в полноте обретенного знания. В этом смысле массовая литература – терапевтична. И совсем не то реальная жизнь» (Ольга Славникова. Ландшафты хеппи-энда // «Октябрь», 2001). Можно, разумеется, усматривать в массовой литературе только «зловонный набор беллетризованных инструкций по грабёжам, порнографии и убийствам, упакованных под призывными пестрыми обложками» (Армен Зурабов. Возвращение к будущему (1999) // «Дружба народов», 1999.04.15), – но это смотря что читать. Ведь массовая литература – это и фэнтези (хотя бы истории о Гарри Поттере, в которых даже православная Церковь усматривает главное, за что ругает она сама: неизбывность Добра в человеческой душе и неизбежность его конечной победы [9]), и добротная фантастика, и любовные и историко-авантюрные романы [5], и популярные песни... К массовой литературе в некотором, пусть очень условном, смысле можно отнести и квазимемуарику «гламурных» журналов [2], и многие фольклорные произведения (к примеру, современные байки и анекдоты).

«Счастливым концом» и «возможность понять» существо происходящего в произведении – вот, пожалуй, самые весомые составляющие концепта «Массовая литература» для обыденного сознания, ищущего простоты и ясности, – в отличие от «качественной», «элитарной» литературы [17], с ее фундамен-

тальной установкой на разрыв с повседневностью, на смысловую усложненность, не поддающуюся выражению на языке, близком к обиходу.

В поиске аксиологической простоты и определенности, тяготеющей к примитиву, «массовая литература» не является чем-то принципиально новым. Подобно тому как современный *гламур* не что иное, как очередная вариация на темы *петиметров* XVIII века, *денди* и *комильфо* века XIX-го [4], так и «массовая литература» может рассматриваться как современная проекция *литературы социалистического реализма* недавней советской эпохи. Напомним, что социалистический реализм как художественный метод, по определению, принятому на Первом съезде советских писателей, «... требует от художника правдивого исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной перелки и воспитания трудящихся в духе социализма» (цит. по: [14, с. 365]). Сознание современного обывателя – главного читателя массовой литературы деидеологизировано, а «революционное развитие» общества в типичном случае сводится к представлению о спокойном и достаточном благополучном повседневном личном существовании, когда возникающие трудности успешно преодолеваются, а злодеи непременно наказываются. Так и получается, что массовая литература – нечто вроде «социалистического реализма сегодня».

Для отечественного книговедения *массовая литература* – термин новый, который в книжной торговле ассоциируется прежде всего с понятием «коммерческий успех» («продаваемость»), в издательском деле – с понятием «серийность», в библиотечном деле – с понятием «массовость». Первые два фактора – продаваемость и серийность (эквивалент «узнаваемости») – семантически прозрачны, в отличие от фактора «массовости», который, собственно, и обуславливает возможность существования первых двух.

В узком лингвокультурологическом развороте и в основывающихся на нем выходах в философию культуры, в философию книги и в психологию чтения, необходимо лингвогерменевтически осмыслить определение *массовая* (литература). Два основных аспекта: во-первых, *массовая* (литература) – как литература *масс* (массы как инициатор «социального заказа», как теневой или даже явный *субъект* литературного творчества); во-вторых, *массовая* (литература) – как литература *для масс* (массы как объект речевого воздействия, в том числе манипулятивного, каузируемого идеологическими, политическими или иными интенциями авторов и/или заказчиков).

В первом случае (литература *масс* как «заказчика» и субъекта) существительное *массы* в значении «широкие слои населения», в экстремуме – «народ как целое» отсылает к представлению, с одной стороны, о коллективном «социальном заказе» авторам и издателям, с другой стороны, о коллективном со-творчестве, что наиболее наглядно в случае «сетературы» –

сетевой литературы («сетевой словесности»), существующей в Интернете, часто лишь в электронном виде. Ее творцами являются, по выражению советской эпохи, «самодетельные» авторы (см., например: [7]), творчество которых нередко выливается в совершенно новые жанровые формы, например: *ангст, ваниль, кроссовер, кинк, ретеллинг, сонгфик, флафф* и др. [1]. Эта ситуация удачно выражена в афористическом пассаже: «Гуттенберг дал всем возможность стать читателями, ксерокс дал всем возможность стать издателями, Интернет дал всем возможность стать писателями» [6, с. 149]. Пишут, естественно, в идеологии «массового человека», содержание сводится к повседневности личного существования, нередко фантазийной.

Во втором случае (литература *для масс* как объекта) наиболее существенно то, что «массовая литература» в целом весьма оптимистична, «хэппи-энд – одна из ярких ее примет. С точки зрения задач манипуляции общественным сознанием, это средство отвлечя внимание от серьезных социальных проблем, создать ощущение благополучия, с точки зрения психотерапии (библиотерапии) – средство снять тревожность и фрустрированность. Типичного читателя массовой литературы, возможно, и стоит назвать «плотателем пустот», как в свое время Цветаева охарактеризовала «читателей газет», – но лишь при условии, что игнорируется парадигма «читатель как потенциальный пациент (клиент) психотерапевта» – «массовая литература как библиотерапевтическое средство». Думается, едва ли этически приемлемо осуждать человека в состоянии экзистенциальной тревоги, что он обращается к массовой литературе как, возможно, наименьшему из терапевтических зол.

Подведём итоги. «Массовая литература», как и любой концепт, – явление многогранное. Как следствие, у словосочетания *массовая литература* весьма разнообразные коннотативные ореолы, акцентировка которых определяется установками того автора, который о массовой литературе пишет: от наиболее частотного пейоративного через нейтральный – к мелиоративному, то есть от абсолютного брезгливо-снисходительного неприятия – к вдумчиво-отстраненному всматриванию и апологетическому восторгу. Эстетические установки в этих трех случаях, соответственно, связаны либо с ориентацией на вершины культуры как на единственно возможный эталон читательского вкуса, либо со «средней позицией», предполагающей необходимость наличия в культуре явлений разного порядка, либо с квазидемократической установкой на «мнение большинства» как главное мерило эстетических достоинств. Разумеется, массовая литература не может соответствовать тем критериям художественности, которые полагаются, например, в основу отбора произведений для учебных целей (диалогичность, новизна, интерпретируемость, синергетичность и др. [3, с 7-33; 10]), и наивно думать, что она отражает наиболее существенные составляющие национального менталитета как главного духовного достояния народа. Однако *массовая* литература, как было показано выше, – это не только искусство *для масс*, но и искусство

во *самих масс*. В этом, с точки зрения книговедения, этическое оправдание ее активного распространения, а с точки зрения лингвокультурологии, необходимость специального и сугубо уважительного исследования.

Список литературы:

1. Бурцева Е.А. Жанры сетевой литературы // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 552.
2. Волков В.В. «Гламурная» ментальность в зеркале журнала «Glamour» // Язык и культура (Новосибирск). – 2013. – № 4. – С. 176-180.
3. Волков В.В., Гладилина И.В. Художественный текст в преподавании русского языка как иностранного: Учебное пособие / Тверской государственный университет. – Тверь: Изд. Кондратьев А.Н., 2013. – 156 с.
4. Волков В.В., Кузнецова Л.М. От *петиметров* до *гламура*: социокультурные причины и лингвокультурные проявления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2014. – № 1. – С. 123-128.
5. Волков В.В., Янович С.Г. Борис Акунин в зеркале лингвокультурологии: секреты коммерческого успеха и лингвокультурный смысл псевдонима // Язык и культура (Новосибирск). – 2013. – № 6. – С. 168-176.
6. Коган А.Ф. Экономика книжной торговли: Учебное пособие / Московский гос. университет печати. – М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2011. – 412 с.
7. Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна: Интернет как место обитания литературы // Культурология. – 2001. – № 3. – С. 89-93.
8. Купина Н.А., Литовская М.А., Николина Н.А. Массовая литература сегодня: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 424 с.
9. Кураев А., диакон. «Гарри Поттер» в Церкви: между анафемой и улыбкой. – СПб.: Нева, 2003. – 158 с.
10. Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958-1993). История русской прозы. Теория литературы. – СПб.: Изд-во «Искусство-СПБ», 1997. – С. 774-788.
11. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. – К.: Ника-Центр, 2003. – 423 с.
12. Мельников Н.Г. Массовая литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 514-517.
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.01.2015).
14. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
15. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г.Е. Складерской. – М.: Эксмо, 2008. – 1136 с.

16. Черняк М.А. Массовая литература XX века: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 432 с.

17. Чупринин С.И. Качественная литература [Электронный ресурс] // Словарь «Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям». – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru:81/znamia/red/chupr/book/kachest72.html> (дата обращения: 06.11.2014).

МИФОПОЭТИКА РОМАНА Ч. АЙТМАТОВА «ТАВРО КАССАНДРЫ» [АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПРИРОДНЫХ СТИХИЙ]

© Гайнутдинова Г.Ф.* , Нуркеева Б.А.♦

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза,
Республика Казахстан, г. Караганда

В статье поднимается вопрос о мифопоэтике романа Ч. Айтматова «Тавро Кассандры» на примере анализа архетипических образов природных стихий – вода, солнце, луна, небо [космос], огонь.

Ключевые слова: литература, мифология, архетипический образ, образы природных стихий, вода, океан, солнце, небо, огонь.

Литература XX века характеризуется влиянием мифологического мышления, которое реализуется как в содержательной, так и в формальной структуре произведения. Художественный мифологизм получает выражение в нарушении причинно-следственных связей, в причудливом совмещении разных времен и пространств, оборотничестве и двойничестве персонажей, введении отдельных мифологических мотивов или персонажей в ткань реального повествования, в обогащении конкретно-исторических образов универсальными смыслами, а также реконструкцией мифов с «вольным осовремениванием» или созданием своей оригинальной системы мифологем. Поэтому термин «поэтика мифа», или «поэтика мифологизирования», или «мифопоэтика» приобретает особый смысл в связи с сознательным обращением к мифологии некоторых писателей обычно как к инструменту художественной организации материала и средству выражения неких «вечных» проблем или психологических начал или хотя бы стойких национальных культурных моделей. Обращением к мифу характеризуются такие писатели, как Дж. Джойс, Т. Манн, Кафка, Маркес, Е. Замятин, Л. Андреев, М. Булгаков, Ч. Айтматов, О. Бокеев и другие.

* Старший преподаватель кафедры Иностранных и русского языков, магистр.

♦ Старший преподаватель кафедры Иностранных и русского языков, магистр.